

Российская академия наук
Институт психологии

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ЗНАНИЕ**
стадии исследовательского процесса

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев,

Д. В. Ушаков,

А. В. Юревич

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2023

УДК 159.9
ББК 88
П 86

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Рекомендовано к печати Редакционно-издательским советом
Института психологии РАН

Рецензенты:

*Т.П. Емельянова, доктор психологических наук, профессор;
Л.Я. Дорфман, доктор психологических наук, профессор*

**П 86 Психологическое знание: стадии исследовательского процес-
са / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. — М.:
Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. — 478 с. (Методология,
теория и история психологии)**

doi: 10.38098/thry_23_0457
ISBN 978-5-9270-0457-7

УДК 159.9
ББК 88

Книга продолжает разработку темы психологического знания, начатую в двух предыдущих выпусках, опубликованных издательством «Институт психологии РАН» в 2018 г. (Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития) и в 2021 г. (Психологическое знание: виды, источники, пути построения). Авторы данного сборника рассматривают общую логику и стадии исследовательского процесса в психологии. В первом разделе проанализирована структура этого процесса, во втором рассмотрены его стадии, в третьем — его организация и разрабатываемые в настоящее время проблемы.

*Исследование выполнено по Государственным
заданиям № 0138-2023-0003 и № 0138-2023-0006*

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2023

ISBN 978-5-9270-0457-7

Содержание

А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юевич. Введение. 5

Раздел I СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА В ПСИХОЛОГИИ

<i>В. А. Мазилев.</i> Предмет психологии, психологическое знание и объяснение	11
<i>Т. П. Войтенко.</i> К вопросу об антропологических основаниях психологических исследований	36
<i>Т. В. Корнилова.</i> Современные дискуссии о построении психологического объяснения и соотношении теории и эмпирии в психологии	58
<i>А. Н. Лебедев.</i> Специфика социально-психологического знания: от научных исследований к социальному проектированию.	82
<i>А. А. Фёдоров.</i> Повторение как стадия исследовательского процесса.	106
<i>В. А. Чикер, Л. Г. Почебут.</i> Структура и стадии исследовательского процесса в социальной психологии.	139

Раздел II СТАДИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА

<i>М. С. Гусельцева.</i> Психология как социальное знание: этапы исследовательского процесса.	167
<i>Т. В. Зеленкова.</i> О соотношении креативности и творчества на разных стадиях исследовательского процесса	210

<i>Д. А. Китова, А. Л. Журавлев.</i> Автоматизированный анализ текстов в психологии: состояние и перспективы эмпирических исследований	249
<i>А. А. Грачев.</i> Этапы прикладного психологического исследования	283

Раздел III

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА

<i>В. В. Знаков.</i> Знание и понимание «правильного» и «неправильного» мира человека	317
<i>А. А. Костригин, Н. Ю. Стоюхина.</i> Экспериментально-психологические концепции в дореволюционной российской психологии.	331
<i>А. М. Двойнин.</i> Естественно-научные взгляды в психологии религии: стадии и пути развития	392
<i>И. А. Мироненко, А. Л. Журавлев.</i> Культурная психология Яана Вальсинера: опыт эмпирических исследований	421
<i>Л. М. Попов, П. Н. Устин.</i> Стратегии и этапы научно-педагогической деятельности	441
Авторы и составители сборника	476

Культурная психология Яана Вальсинера: опыт эмпирических исследований¹

И. А. Мироненко, А. Л. Журавлев

doi: 10.38098/thry_23_0457_15

Введение

Мы уже знакомили читателя с теорией, методологическими принципами и подходами, развиваемыми в культурной психологии Яана Вальсинера (Мироненко, Журавлев, 2021, 2022). В настоящей статье мы приведем примеры реализации теоретических подходов и принципов школы динамического семиозиса в эмпирических исследованиях. Провозглашаемые Яаном Вальсинером теория и методология психологического исследования существенно отличаются от предпочитаемых мейнстримом мировой науки. Примат идиографического подхода, интроспекция как основной метод получения эмпирического материала, отказ от статистики — насколько реализуемо это в эмпирических исследовательских работах?

В российском дискурсе, как и в зарубежном мейнстриме, не наблюдается особого интереса к идиографическому методу как к инструменту исследования. Анализ единичных случаев (case-studies), конечно, имеет место, однако, применяется он как метод обучения, иллюстрирующий известные уже закономерности и нацеленный на развитие умений и компетенций применения законов и закономерностей в решении практических задач, но не как метод выявления закономерностей, еще не известных, т. е. не как метод исследовательский.

Возможно ли обобщение, которое является целью научного познания, на основе исследования единичных случаев? Каким образом оно возможно, без усреднения на больших выборках, на основе предположения об уникальности каждого отдельного случая?

Согласно культурной психологии Яана Вальсинера, в силу индивидуально неповторимого характера протекания психических явлений только такое обобщение и возможно. Оно основывает-

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00260.

ся на выявлении общих по своей природе закономерностей, индивидуально-неповторимое проявление которых наблюдается в каждом случае. Вальсинер цитирует высказывание Л. С. Выготского о И. П. Павлове:

«И. П. Павлов изучает фактически деятельность *слюнной железы у собаки*. Что дает ему право назвать свой опыт изучением высшей нервной деятельности *животных*? Быть может, он должен был проверить свои опыты на коне, вороне и т. д. — на всех или, по крайней мере, на большинстве животных, чтобы иметь право сделать выводы? Или, может быть, он должен был свой опыт назвать *так*: изучение слюноотделения у собаки? Но именно слюноотделения собаки *как такового* Павлов и не изучал, и его опыт ни на йоту не увеличил наших знаний о собаке как таковой и насчет слюноотделения как такового. Он в собаке изучал не собаку, а *животное вообще*, в слюноотделении — *рефлекс вообще*, т. е. у этого животного и в этом явлении он выделил то, что есть общего у них со всеми однородными явлениями. Поэтому его выводы не только касаются всех животных, но и всей биологии: установленный факт выделения слюны у данных павловских собак на данные Павловым сигналы прямо становится общебиологическим принципом — превращения наследственного опыта в личный. Это оказалось возможным, потому что Павлов *максимально абстрагировал* изучаемое явление от специфических условий единичного явления, он гениально *увидел в единичном общность*» (Выготский, 1982, с. 404).

В соответствии с культурной психологией Вальсинера настойчиво подвергается критике сложившаяся традиция использования статистики, применение которой основано на предположении об эргодичности¹ описываемых функций. Аргументом принципиальной некорректности статистического подхода в психологии полагается то, что большинство сложных целостных психических явлений не являются эргодичными. Иными словами, можно принять статистические расчеты характеристик элементарных психических функций,

1 Для эргодических систем действует закон неразрывности функции, т. е. в любой точке континуума математическое ожидание по временным рядам должно совпадать с математическим ожиданием по пространственным рядам. Для определения параметров системы можно долго наблюдать за поведением одного ее элемента, а можно за очень короткое время рассмотреть все ее элементы (или достаточно много элементов). Если система обладает свойством эргодичности, то в обоих случаях получатся одинаковые результаты. Для эргодических систем корректно использование статистики.

таких как время сенсомоторной реакции на свет, объем кратковременной памяти и прочие подобные, основываясь на том, что здесь действует закон нормального распределения, т. е. у людей встречаются значения искомого показателя во всем диапазоне, и больше всего средних значений, что и описывает кривая нормального распределения. Например, глаза у людей устроены сходным образом, и на основе множества измерений можно вычислить средние показатели абсолютных и дифференциальных порогов зрения. Однако в отношении тех сложных целостных культурно обусловленных явлений, которые в фокусе интереса культурной психологии, предположение об эргодичности не имеет оснований. Люди качественным образом различаются по своим взглядам, верованиям, устремлениям, представлениям о добре и зле. Реагировать на какие-либо события люди могут по-разному, в том числе и прямо противоположным образом (Valsiner, 2009, p. 16). Положение об уникальности каждого психологического явления делает невозможным применение статистических процедур, требует применения преимущественно идиографического подхода в психологии.

Фокус на исследовании индивидуальных случаев, анализ которых является основой для обобщений, а не усредненная статистика выборок, обосновывается методологически, для чего используется понятие *абдукции*, введенное Ч. Пирсом в триаде «абдукция—индукция—дедукция» как познавательная процедура принятия правдоподобных гипотез на основе интуиции. Согласно Пирсу, процесс научного познания осуществляется как взаимодействие 1) абдукции, осуществляющей принятие правдоподобных объяснительных гипотез на основе «абдукционного инстинкта»; 2) индукции, реализующей эмпирическое тестирование выдвинутых гипотез; 3) дедукции, посредством которой из принятых гипотез выводятся следствия. Моментом творчества, порождающего *новое* научное знание, является именно абдукция.

Далее будут приведены примеры эмпирических исследований в русле школы динамического семиозиса Яана Вальсинера.

Исследования микрогенеза психических процессов при применении метода шкальных оценок

В психологии шкальные оценки применяются широко и повсеместно: при измерении интеллекта, оценке личностных особенностей и т. д., так что трудно назвать область психологических исследований, где бы они не применялись. Соблазнительная простота использо-

вания и кажущаяся объективность результатов при использовании метода шкальных оценок обеспечили методу успех и популярность. Быстрота процедуры позволяет охватить опросом большие группы людей, что обеспечивает «статистически достоверный» результат. Однако «несмотря на популярность метода, психические процессы, которые происходят, когда испытуемый отмечает свой ответ на шкале, остаются не исследованными и непроанализированными» (Rosenbaum & Valsiner, 2011, p. 50). Что же отражают шкальные оценки? Какая психическая реальность за ними скрыта? Задайте человеку вопрос — доволен ли он собой? — и, скорее всего, последует длительный сумбурный монолог, который вряд ли закончится каким-либо определенным утверждением. Что же происходит на самом деле, когда этот человек за несколько секунд дает однозначный ответ в виде шкальной оценки? В целом ряде работ делается попытка найти ответ на этот вопрос (Rosenbaum, Valsiner, 2011; Valsiner et al., 2005a, b; Wagoner, Valsiner, 2005).

Проведенное эмпирическое исследование (Rosenbaum & Valsiner, 2011) имело двоякую цель:

1. Вскрыть «черный ящик» процесса шкалирования. Гипотеза заключалась в том, что поставленная перед испытуемым задача шкалирования запускает внутренний диалог. С целью проверки этой гипотезы экспериментальная процедура была модифицирована таким образом, чтобы «развернуть» в оригинале свернутый процесс при шкалировании.
2. Провести анализ микрогенеза когнитивных и аффективных процессов, происходящих, когда испытуемый дает шкальную оценку какому-либо явлению по указанию экспериментатора.

Исследователи использовали популярный личностный тест NEO PI-R (Costa, McCrae, 1992), где испытуемому предлагается по пятибалльной шкале («Неверно»—«Скорее неверно»—«Трудно сказать»—«Скорее верно»—«Верно») оценить, насколько верны по отношению к нему предлагаемые в тесте высказывания о личностных особенностях. Из данного теста были выбраны 14 пунктов, которые были подвергнуты «деконструкции» в процессе эксперимента. Участниками эксперимента были жители двух стран: Эстонии (обозначены буквой «Е» и номером) и США (обозначены буквой «А» и номером).

По каждому из выбранных 14 пунктов испытуемого просили:

1. Дать развернутую интерпретацию того, что значит каждый из двух полюсов оценивания. Например, ответ «Неверно» на высказывание «Меня не слишком задевает, когда надо мной подшучи-

вают и подразнивают меня» одним из испытуемых интерпретировался таким образом: «Это плохо, хуже некуда, если меня настолько раздражают шутки в мой адрес, что я просто сразу убегаю...». Ответ «Верно» этот испытуемый интерпретировал так: «Это хорошо, как если бы я совсем не чувствовал неловкости, что бы ни происходило. Это значило бы, что я полностью в себе уверен».

2. На втором этапе нужно было оценить себя по данной шкале.
3. Последним заданием было описать процесс оценивания и обосновать свою оценку.

Таким образом, процесс шкалирования разделяется на две взаимосвязанных составляющих: интерпретация и собственно оценивание. Предполагалось, что в ходе интерпретации полюсов испытуемый генерирует пространство смыслов, в котором осуществляется затем оценка.

Рассмотрим для примера несколько вариантов интерпретации отдельных высказываний.

Высказывание «У меня очень яркое воображение». Испытуемый А6 интерпретирует полюс ответа «Неверно» таким образом: «Я никогда не фантазирую, не размышляю о том, что может случиться, если я сделаю или если я не сделаю что-либо». Ответ «Верно», противоположный полюс шкалы, он интерпретирует так: «Я часто фантазирую, представляю себе множество картин того, что может произойти в будущем».

В данном примере на каждом полюсе шкалы подвергаются интерпретации два понятия: «очень» и «воображение». Интерпретация понятия «очень» происходит в рамках соотношения «я часто—я никогда». «Воображение» раскрывается как «множество картин того, что может случиться в будущем».

Испытуемый Е47 интерпретирует высказывание «Многие считают меня эмоционально холодным, сдержанным человеком».

- «Неверно»: «Не так много людей (может быть, меньше 10) считают меня эмоционально холодным, сдержанным и лишенным эмпатии».
- «Верно»: «Это значит, что много людей (скажем, больше 20) считают, что я — холодный и эмоционально сдержанный человек, редко проявляющий чувство эмпатии».

Здесь также выявляются два аспекта, которые подвергаются интерпретации: «Многие» — это понятие переводится в число людей (меньше 10; больше 20). Качество «эмоционально холодный, сдер-

жанный» дополняется эмпатией и раскрывается как ее проявление или не проявление.

В данном высказывании требуется дополнительная интерпретация того, что человека спрашивают, что думают о нем, по его мнению, другие люди; это расширяет поле неоднозначности интерпретации.

Этот аспект может отвечающими просто игнорироваться. Например, испытуемый А30 дает такую трактовку:

- «Неверно»: «Я оптимист, обладаю чувством юмора, дружелюбен и открыт к новым знакомствам».
- «Верно»: «Я холодный и недружелюбный. Узкий круг общения, не завожу новых друзей, не отношусь к людям с пониманием и уважением».

С другой стороны, возможна фиксация именно этого аспекта – внешней оценки. Испытуемый А28 интерпретирует:

- «Неверно»: «Никто обо мне так не думает».
- «Верно»: «Люди меня боятся».

Таким образом, вопрос, на который испытуемые дают ответ, интерпретируется ими в двух вариантах, различных по своему содержанию. Один испытуемый «интериоризирует» мнение о себе других людей, другой – говорит о том, что, по его мнению, чувствуют к нему другие.

Был получен и ответ, интегрирующий внешний и внутренний аспекты вопроса, испытуемого Е23:

- «Неверно»: «Люди обо мне думают в целом позитивно, что я теплый и дружелюбный».
- «Верно»: «Мне кажется, что люди думают, что я холодный и погруженный в себя человек».

Здесь два смысловых поля (мнение обо мне других и мои характеристики) объединяются посредством нового конструкта – позитивности мнения людей, что приводит к появлению новых характеристик. Из заданных категорий холодный и отстраненный, интерпретатор выводит противоположные – теплый и дружелюбный, и уже эти качества соотносятся теперь с образом Я.

Смысловые поля, порождаемые в процессе интерпретации, обладают для испытуемого определенной валентностью, т. е. они позитивно заряжены (притягивают) или негативно заряжены (отталкивают) интерпретатора (в терминах К. Левина). В пространстве этих накладывающихся друг на друга смысловых полей движется испы-

туемый, решая поставленную задачу выставления шкальной оценки. Это движение с необходимостью сопровождается или даже осуществляется путем ведения внутреннего диалога, обычно свернутого, который экспериментаторы пытаются эксплицировать в процессе исследования.

Например, испытуемый E11, который поставил оценку 4 («скорее, верно») в пункте «У меня очень яркое воображение», комментирует свое решение следующим образом: «Я люблю фантазировать. Мне нравится представлять, что будет, если я выберу тот или иной вариант развития событий». Интерпретация заданного понятия «яркое воображение» как «фантазирование» играет определяющую роль, а оценка частоты явления, заявленная как критерий на этапе интерпретации, здесь заменяется снимающим напряжением новым смыслом: «Мне нравится».

Испытуемая E44 в этом же пункте анкеты отметила шкальное значение 5 («верно»). На этапе интерпретации ею было предложено:

- «Верно» означает: «Я всегда придумываю разные варианты развития событий и пытаюсь найти связи между разными вещами, даже если эти связи получаются очень надуманными, притянутыми».
- «Неверно» означает: «Мне очень трудно решать жизненные задачи, если только условия не подсказывают путь однозначно. Мне очень трудно использовать предметы не стандартным образом, видеть сходства разных явлений и совершать умозаключения».

Выбирая для себя шкальную оценку «5» («верно»), она поясняет: «Мне нравится думать о новом, выдумывать невозможные решения каких-то проблем, которые все же в чем-то осмысленны и правильны».

Сходным образом, как и в предыдущем случае, новая смысловая категория «Мне нравится» появляется здесь как снимающая напряжение, однако содержание категории «Яркое воображение» совершенно иное. Нетрудно видеть, что в первом случае человек оценивает склонность грезить, предаваться мечтам, а во втором — говорит о креативности и даже интеллекте в целом.

Интересно, что во многих случаях одна и та же шкальная оценка имеет совершенно разное психологическое содержание. Например, испытуемые E41 и E47 на утверждение «Если необходимо, я готов манипулировать людьми, чтобы добиться желаемого» дали один и тот же ответ — 3 («трудно сказать»). В таблице 1 представлена развертка психологического содержания разных путей к решениям, внешне одинаковым, но по смыслу различным.

Таблица 1

Содержательная интерпретация шкальных оценок

Интерпретация оценки	Испытуемый Е41	Испытуемый Е47
Верно	Я всегда готов манипулировать людьми, какие бы цели я ни преследовал	Если мне нужно, я могу обманывать людей, чтобы получить желаемое
Неверно	Я считаю манипулирование аморальным или просто так неуспешен в этом, что не пробую никем манипулировать	Я никогда не буду манипулировать людьми, даже если нет иного пути получить желаемое
Трудно сказать	Я манипулирую людьми, но только когда это необходимо. И обычно стараюсь, чтобы результаты были полезны и этим людям	Что значит «манипулировать»? Думаю, если я манипулирую людьми, я делаю это неосознанно. Так что мне трудно сказать, верно ли в отношении меня это высказывание

Для обоих манипулирование имеет явную отрицательную социальную коннотацию, но если для Е41 имплицитно ясно, как проявляется в жизни явление, обозначаемое как манипулирование и он дает шкальную оценку места и меры этого свойства в своем поведении, то испытуемый Е47, вначале дает интерпретацию, затем фокусируется на неоднозначности спектра явлений, которые могут быть отнесены к манипулированию, и говорит о том, что ему трудно квалифицировать свое поведение в этом отношении.

Авторы задаются вопросом: что же измеряют шкалы при их стандартном применении? (Rosenbaum, Valsiner, 2011). И дают ответ по аналогии с ответом, данным в 1923 г. Борингом на вопрос, что такое интеллект? – Это то, что измеряют тесты интеллекта, шкалы измеряют то, что они измеряют (Boring, 1923).

Представленная в работах попытка деконструкции оценочных шкал позволяет увидеть скрытое за обманчивой простотой процедуры психологическое содержание, процессы, происходящие в сложной многомерной реальности, которые ранее могли оставаться в тени, не попадать в область научного анализа, – это путь расширения сферы научного познания (Rosenbaum, Valsiner, 2011; Valsiner et al., 2005a, b; Wagoner, Valsiner, 2005).

Метод интермодального преконструирования (IMPreC): исследования гипергенерализации

Одна из последних разработок школы динамического семиозиса — метод интермодального преконструирования, который предполагается использовать для исследования гипергенерализации (Valsiner et al., 2021). Гипергенерализация рассматривается как основной механизм функционирования человеческой психики, основа отношения человека к миру. Понятие гипергенерализации занимает особое место в понятийном аппарате школы динамического семиозиса и носит авторский характер.

В качестве своих «авторских» новообразований в теоретической психологии Вальсинер называет взаимосвязанные понятия «плероматизация» и «гипергенерализация» («гиперобобщение») (Valsiner, 2021a, b). Плерома — термин в греческой философии («наполнение, полнота, множество»), позднее в гностицизме («божественная полнота», «полнота абсолютного бытия»). Проявления плероматизации Вальсинер усматривает в искусстве Ренессанса «где под видом реалистических изображений людей на фоне изобилующих деталями пейзажей представлены знаки и смыслы» (Valsiner, 2021b, p. 460). Использование в качестве фона богатых деталями альпийских и городских пейзажей позволяет художнику показать «глубинные взаимосвязи между „близким“ и „далеким“, еще не понятые психологией» (ibid., p. 460). Плероматизация представляет собой процесс аффективного обобщения семиотики фона, идущий параллельно с процессом категоризации в отношении того, что находится в фокусе картины. В противоположность категоризации (образования категорий путем абстрагирования), где обобщение носит относительно устойчивый и вербально определенный характер, плероматизация порождает текучие, основанные на интуиции и прямо не вербализуемые обобщения в форме сравнений и метафор. Процесс обобщения продолжается, выходя за пределы как плероматизации, так и категоризации, и в продолжение его происходит слияние плероматизации и категоризации, которое он называет гипергенерализацией (гиперобобщением).

Предполагается, что метод интермодального преконструирования позволит исследовать микрогенез формирования смысловых полей в процессе перевода смысла из одной модальности в другую.

Разработка метода опирается на определенную историческую традицию. В качестве исторических предшественников авторы называют известные исследования последовательного многократно-

го воспроизведения сюжетов Ф. Бартлетта, эксперименты Вернер и Каплан, где исследовалось формирование взаимно многозначных связей между понятиями и графическими изображениями, а также исследования А. Р. Лурии интермодального запоминания (синестезии) в ходе его работы с мнемонистом С (Bartlett, 1920, 1932; Werner, Kaplan, 1963).

Эксперименты Бартлетта относят к вопросу о постепенном разрушении следов памяти, однако авторы *IMPreC* в первую очередь отмечают полученные Бартлеттом данные об изменениях сюжета по ходу его последовательных воспроизведений, о трансформациях запоминаемого материала, фактически о переконструировании сюжета как о креативном процессе с использованием воображения, который имеет место в процессе последовательных воспроизведений.

В названных работах создателей метода *IMPreC* интересовало то, что в них в каждом случае по-своему открывались процессы семиозиса – формирования новых смыслов в процессе обработки информации – центрального понятия в культурной психологии Яна Вальсинера: «Воспроизводя продукты своего предшествующего семиозиса, мы не просто повторяем ранее созданное. <...> то новое, что появляется теперь в результатах, не просто шум или ошибки, которые можно отбросить. Для культурной психологии прежде всего интересен процесс порождения нового смысла...» (Valsiner et al., 2021, p. 7).

Основная идея метода *IMPreC* заключается в том, что испытуемый несколько раз повторяет некоторую информацию, для него эмоционально значимую и наделенную личностным смыслом, при каждом новом повторении в новой модальности.

В эксперименте экспериментатор дает задание – написать стихотворение о любви (ibid.). Выбор такой темы продиктован тем, что обращение к любви активизирует поле аффективной гипергенерализации. В то же время, задание должно быть выполнено в словесной форме (стихотворение), что запускает и вербализованный процесс категоризации.

Испытуемый должен был написать короткое стихотворение, основываясь на личном опыте переживаний. Специально отмечалось, что опыт переживаний может включать и переживание отсутствия чего-либо, например, утраты. На следующем этапе его просили представить свое стихотворение в форме рисунка. Предполагалось при этом, что рисунок как более «плероматичная» форма позволит подняться на более высокий уровень обобщения.

Интерпретация рисунка вряд ли может быть однозначной, поэтому на третьем этапе эксперимента испытуемого просили описать словами и прокомментировать сделанный им рисунок.

Предполагается, что в процессе выполнения заданий, таким образом, происходит повышение «уровня» вербального обобщения:

От смутного ощущения — к осознанию («я чувствую нечто» — первый уровень рефлексии). Далее — второй уровень рефлексии — вербальная категоризация конкретного ощущения («Я чувствую гнев»¹), за которым следует третий уровень вербализованных обобщений («Мир отвратителен»). Четвертый, высший уровень обобщения уходит за пределы языка, это уровень невербальных обобщений: «Я понимаю, но уже не могу описать словами».

В статье Вальсинера с соавт. описан ряд экспериментов с использованием метода интермодального прекопирования (Valsiner et al., 2021).

Например, испытуемая Сяосюэ по просьбе экспериментатора пишет стихотворение на родном китайском языке и сама предлагает его перевод на английский:

Я всем говорю «До свидания!»² — снова и снова.
Но тебе я ничего не сказала.
Я просто боюсь,
Что если я скажу «До свидания!»,
Это может быть нашим расставанием навсегда.

На следующем этапе ей дается задание нарисовать те чувства, которые вызывает у нее написанное стихотворение. Инструкция: 1) постарайтесь нарисовать те чувства, которые скрываются за словами вашего стихотворения; 2) постарайтесь выразить своим рисунком и то, что вы чувствуете и осознаете, когда читаете сейчас свое стихотворение; 3) не пытайтесь *объяснять* словами; 4) покажите в рисунке, как меняются ваши чувства в процессе выполнения задания.

Сяосюэ полностью закрашивает поле рисунка широкими неровными слоями цвета: снизу густой холодный темно-серый, над ним узкой полосой чуть светлее серого цвет морской волны, затем две оставшихся трети площади рисунка — лиловый, постепенно светлеющий кверху.

На следующем этапе испытуемым предлагалось интерпретировать собственные рисунки, сказать, какие новые чувства добави-

1 Пример из: Valsiner et al., 2021.

2 В оригинале «Goodbye!» без прямой отсылки к новому свиданию.

лись, когда они рисовали, к тому, что они чувствовали, когда писали и затем читали свое стихотворение.

Интерпретация Сяосюэ достаточно прямолинейна:

Печаль расставания нарисована сине-серым, слой за слоем, мягкая, как дым, тяжелая, как туман, она превращается в море, разделившее двух людей. Но нежность к любимому больше, чем печаль, как небо больше, чем море.

В своей интерпретации рисунка Сяосюэ использует сравнения, такие как «*мягкая, как дым, тяжелая, как туман*», «*море, разделившее двух людей*». Использование сравнений обеспечивает синтез категоризации и плероматизации в форме гипергенерализации — постижения смысла «невыразимого в словах».

После эксперимента Сяосюэ просили прокомментировать свои ощущения в процессе выполнения заданий экспериментатора. Она отметила, что ей было трудно выразить свои чувства как в стихотворении, так и в рисунке (особенно в рисунке): «Осталось еще очень многое, что я не смогла выразить» (ibid., p. 14). Однако можно видеть, что по ходу выполнения заданий у испытуемой происходит процесс, который авторы называют гипергенерализацией — образованием новых обобщенных смыслов.

В эксперименте испытуемых также просили интерпретировать чужие стихи и рисунки. Это было важно, чтобы наглядно показать и изучить центральное для семиотики Ч. Пирса явление семиозиса, т. е. познания объекта субъектом через индуцируемые объектом смыслы — как процесс интерпретации субъектом проявлений объекта — его «знаков». Идея семиозиса выражает суть отношений между знаком и внешним миром: объект репрезентации существует, но он удален и непосредственно недосягаем (идея опосредованности непосредственного познания культурой). Познание объекта возможно лишь через исследование порожденных им знаков. Культурная традиция — это динамический процесс интерпретации знака, способ его функционирования. Знак служит средством передачи информации от одного субъекта к другому. Однако его значение, содержание, передаваемое от одного субъекта другому, в процессе этой передачи неизбежно трансформируется. То, что понимает воспринимающий сообщение, никогда полностью не исчерпывает то, что хотел сообщить его автор, и никогда не сводится к тому, что было автором сообщения заложено. Таким образом, в процессе передачи информации через посредство знака возникает новая информация, т. е. происходит семиозис. Интерпретация знака порождает новое значение.

Представленное выше стихотворение Сяосюэ интерпретирует другая испытуемая, Икуми: «Я думаю, Сяосюэ предчувствует, что человек, о котором говорится в ее стихотворении, в будущем оставит ее, и она больше его не увидит. Она уже чувствует, что он поворачивается к ней спиной... В душе Сяосюэ темное чувство печали, и тьма там растет. Когда я думала об этом, я представляла холод в ее сердце (сине-серый) и тепло любви (розовый цвет). И я думала, что на лице Сяосюэ грусть и одиночество» (*ibid.*, p. 14).

Кикику тоже интерпретирует стихотворение Сяосюэ: «Сяосюэ легко сказать „до свидания!“ своим друзьям, но не человеку, имеющему для нее особое значение. Это очень специфическое чувство. С одной стороны, она собирается ехать учиться за границу, хочет этого, с другой – она ощущает болезненное сопротивление в себе, как если бы ее сердце оставалось с любимым..» (*ibid.*, p. 15).

Испытуемая Кикику отмечала после эксперимента: «Когда я читала стихотворения других участников, у меня возникали эмоции и чувства, которые не были тождественны чувствам авторов стихов, но были каким-то образом с ними связаны» (*ibid.*, p. 15).

Применительно к человеку, психика которого культурно (знаково) обусловлена, Вальсинер делает вывод о том, что в процессе самонаблюдения, результаты которого подвергаются интерпретации как знаки (в ходе семиозиса), субъект фактически создает, конструирует себя: «Активный субъект создает самого себя через посредство семиозиса как механизма восприятия и понимания информации о самом себе» (Valsiner, 2021a, p. 294). Следовательно, интроспекция становится главным методом психологического познания (Valsiner, 2017, 2021a; см.: Мироненко, Журавлев, 2022).

Заключение

Описанные эксперименты, конечно, не отвечают строгим требованиям научности. Их методические и методологические ограничения и слабые места достаточно очевидны. Сами авторы описанного эксперимента с использованием метода интермодального преконструирования указывают, в частности, на то, что существенная часть эксперимента проходила на английском языке, неродном для участников, что очевидно требовалось каким-то образом учесть, но сделано это не было. Однако проведенное исследование представляет интерес, поскольку позволило увидеть едва ли не новый для экспериментальной психологии класс феноменов, реальных, целостных, культурно обусловленных, несомненно, включенных в человечес-

кую жизнь, феноменов человеческого *понимания*, но остающихся недоступными как для исследований в русле «компьютерной модели» когнитивистики и физикалистских подходов, так и в рамках аппарата подходов нарративных.

Яан Вальсинер называл психологию пуританской наукой, более обеспокоенной «правильностью» метода, чем познанием реальности. Такой методологический ригоризм он рассматривает как препятствие в развитии научного познания: когда исследовательские вопросы подбираются под метод, гипотезы становятся самоочевидными, а получение принципиально нового знания невозможным (Valsiner, 2004). Неоднократно отмечено, что в психологическом сообществе представление о допустимости/корректности тех или иных методов а) имеет высочайшую значимость; б) в разных научных кругах существенно различается. По сути, оно относится к роду социальных представлений, о которых писал Серж Московиси, т. е. зависит от того, к какой группе ученых тот или иной автор принадлежит и в качестве такового выполняет функции, приписываемые социальным представлениям (Abric, 1994):

- поддержание общего для группы образа реальности, когда новая информация сразу вписывается в существующую в группе схему референтации, соответствующую групповым нормам, ценностям и практикам;
- обеспечение социальной идентичности, позволяющее утверждать свое членство в группе и отличать «своих» от «чужих» в обществе;
- руководство поведением, обеспечивающее постановку целей и формирование взаимных ожиданий в социальных ситуациях, согласно принятым в группе нормативным представлениям;
- поддержание оправдания социальной дифференциации, а также общих мнений и практик в отношении объектов среды обитания.

На фоне явных различий во мнениях в отношении применимости и ценности количественных и качественных методов, нарративов, методов контент-анализа и статистики общим принципом является страстная приверженность каждой группы принятым ею методам и стремление обеспечить их чистоту. Обсуждения научных работ в коллективах едва ли не в первую очередь фокусируются на допущенных методических ошибках, а не на вопросе о значимости полученного нового знания. А ведь неоспоримым фактом является методическая небрежность существенной части тех немногих пси-

хологических исследований, которые вошли в учебники всего мира и стали открытием новых аспектов психологической реальности. Так, известны методические огрехи Хоторнского эксперимента, о которых не упоминается в описаниях для студентов: участницы не были «наивными» и имели дополнительную мотивацию для работы в экспериментальной группе, а две из пяти работниц, участвовавших в «Хоторнской саге» были заменены в ходе эксперимента, когда они стали демонстрировать неконструктивное поведение, и именно с этой заменой был связан наиболее значительный скачок производительности труда (Копец, 2010). Не было здесь и контрольной группы.

Знаменитый «парадокс Лапьера» был открыт в исследовании, подвергнувшись массивной критике за многочисленные методические оплошности. Так, в частности, здесь сравнивались результаты двух серий эксперимента, при том, что никак не проверялось участие во второй серии тех же испытуемых.

Эксперимент Лапьера проводился в два этапа (La Piere, 1967). На первом этапе Лапьер в течение нескольких лет (1930–1933) путешествовал по США со своими друзьями – молодой супружеской парой китайской национальности. Они посетили 252 американских предприятий обслуживания (68 отелей и 184 ресторана и кафе) и практически в каждом из них (за исключением одного отеля) им был оказан достаточно теплый прием – персонал обращался с ними вежливо, обслуживание соответствовало стандартам.

Второй этап проводился спустя 6 месяцев. Лапьер разослал письма в те же предприятия, которые посетила группа ранее (67 отелей и 184 ресторана – за исключением единственного отеля, где им отказали в заселении на первом этапе, обосновав отказ расовыми предубеждениями). В письмах содержалась просьба ответить, готова ли администрация заведения принять гостей китайской национальности. Ответ пришел из 128 заведений: 92% отелей и 91% ресторанов и кафе ответили отказом, остальные использовали уклончивые формулировки, и лишь из одного отеля пришло письмо с согласием.

Таким образом, Лапьер обнаружил явное несоответствие между установками персонала отелей и их реальным поведением – люди говорят одно, а делают другое. До этого исследования предполагалось, что социальные установки (аттитюды) людей непосредственно проявляются в их поведении. Эксперимент Лапьера вошел в историю, несмотря на многочисленные методические огрехи (Андреева, 2008; Копец, 2010).

В опроснике, который был разослан в отели, было только два варианта ответа («да» и «нет»).

Ответ был получен только из половины отелей; некоторые ученые выдвигали предположения о том, что, если бы ответы были получены из всех отелей, результаты не были бы настолько однозначными.

Между двумя этапами эксперимента прошло 6 месяцев. Нет никакой гарантии, что персонал, отвечавший на письма, — это тот же самый персонал, который принимал в отелях Лапьера и его друзей.

Заданный в письмах вопрос был поставлен таким образом, что непосредственно актуализировал национальные стереотипы отвечающих, в то время как в процессе живого общения на первом этапе эти стереотипы никак специально не актуализировались.

Исследования Лапьера и Хоторнский эксперимент вошли в историю. В то же время большое число безупречно методически выстроенных работ наслаиваются, как сыпучие пески, в которых вязнет психологическое познание. Проявлением растущего осознания бессмысленности накопления «научных фактов» стал кризис воспроизводимости, активно обсуждаемый в последние десятилетия.

Почетное место в методологии психологии занимает математическая статистика. Большинство ученых верят в то, что единственный путь к обобщенному знанию — доказательство сходства распределения показателей в группе — т. е. единого для всех механизма. Но есть ли основания полагать, что высшие психические функции людей являются эргодическими? Не располагает ли логика культурно-исторической теории к использованию идиографического подхода, нацеленного на выявление общих закономерностей в индивидуально-неповторимых вариантах? — Не оказывается ли нарастающая индивидуализация психического развития, о которой писал Б. Г. Ананьев, «вынесенной за скобки» статистически доказательных исследований?

С момента основания нашей науки продолжается обсуждение ее методологического кризиса. Представляется, что говорить о едином кризисе здесь нельзя, на каждом новом витке развития встречается новый кризис, со своими причинами и вызовами времени, на которые нужен ответ. Корень современного кризиса — стремительное изменение основного предмета психологических исследований — психики человека, его личности, от которого отстает теоретико-методологический аппарат психологии, разработанный до наступления коренных перемен последних десятилетий. В этой ситуации чистота «вчерашних» методов, оставаясь важным критерием, уже не может быть единственным для оценки ценности психологических исследова-

ний. В оптике измерительных процедур и понятий, разработанной для вчерашней реальности, невозможно увидеть реальность новую, возникающую сегодня. Для продвижения вперед необходима готовность выходить за пределы установленных правил, которые не бывают вечными. Осознание недостаточности и ограничений имеющегося аппарата – необходимый шаг в развитии науки. Фиксация на «правильности» применения метода, когда она становится более важной, чем запрет на повтор, о котором говорил М. Г. Ярошевский, приводит к тому, что познание буксует в бесконечно множасьихся фактах, уже не несущих ничего нового.

Толерантность к неопределенности, способность выстраивать конструктивное взаимодействие с инакомыслящими необходима сегодня не только в практике частной жизни, но и в науке. Методологический ригоризм становится препятствием в развитии науки, тем более вредным и разрушительным, чем уже круг и сплоченное сообщество, его практикующее.

Обыденной реальностью психологии стал измерительный подход к определению сущности психических явлений. В. Н. Дружинин отмечает: «Любой психологический конструкт, описывающий психологическое свойство, процесс, состояние, имеет смысл лишь в сочетании с описанием процедуры исследования, диагностики, измерения поведенческих проявлений этого конструкта. При изменении процедуры измерения конструкта изменяется и его содержание» (Дружинин, 2008, с. 20). Измерительный подход основывается на подмене реальности ее моделью, запечатленной в процедуре измерения или в словесной конструкции, обозначаемой каким-либо понятием («экзистенциальная тревога», «кризис среднего возраста» и пр.). Последнее мы считаем возможным отнести к измерительному подходу в силу популярности в психологии понятия шкал наименований. Когда дается «научное» название чего-либо, таким образом тоже реализуется измерительный подход, что часто оборачивается готовностью оперировать аппаратом принятых теоретических моделей, не пытаясь понять, что же происходит в реальности.

Измерительный подход – неизбежная и необходимая сторона развития психологической науки, что отрицать было бы бессмысленно. Но бессмысленно и забывать о том, что в русле этого подхода то, что мы полагаем в качестве предмета исследования, лишь в той мере остается *реальностью*, в какой тот теоретический «конструкт», который мы используем, адекватен реальности, а не является симулякром. Когда исчезает сомнение в тождестве актуальной реальности

и измеряемого конструкта — значимость результатов исследования для познания *реальности* уже ничем не гарантирована.

Что же обеспечивает и ограничивает в психологии применимость измерительного подхода?

Социально-гуманитарные науки отличаются от естественных, в частности, тем, что предмет их изменяется с существенно большей скоростью. Если есть основания утверждать, что температура — это то, что измеряет термометр — и так было, есть и будет, то утверждать, что для событий, происходящих с личностью нашего современника, адекватным отражением может служить теоретическая модель, созданная полвека, а то и больше, назад, таких оснований существенно меньше. Измерительный подход реализует кумулятивную сторону науки, накопленное *вчера* знание. Но в оптике измерительных процедур и понятий, разработанной для вчерашней реальности, невозможно увидеть реальность новую, возникающую сегодня.

Изменения, происходящие в человеческой цивилизации и культуре на протяжении последних десятилетий, носят радикальный характер, качественным образом они изменили и изменяют социокультурную реальность жизни человека. В соответствии с культурно-исторической теорией и субъектным подходом из сказанного следует необходимость признать радикальный и качественный характер изменений человеческой психики, прежде всего, личности человека.

Скорость изменений социально-культурной сферы уже в прошлом столетии достигла того предела, когда встал вопрос о несоответствии аппарата науки ее предмету. Социологи поставили его в явной форме, заявляя, что «старые» теории просто не годятся для анализа новой реальности (Lash, 2009).

Психологический дискурс в западно-центрическом мейнстриме, а во многом и в России остается верен представлению о «вечном» человеке, как будто меняется лишь программное обеспечение, а сам компьютер остается тем же. «Большие» теории здесь мыслятся наделенными вечной жизнью (Мироненко, Журавлев, 2019), однако симптомы устаревания аппарата науки и здесь очевидны для всех: горы и горы новых фактов, получаемых в принятой методологической оптике, не приводят больше к сколько-нибудь существенному продвижению в познании действительности.

Для того чтобы научное познание имело смысл, теоретико-методологический аппарат науки не должен отставать от изменений предмета исследования. Измерительный подход должен непрерывно изменяться, чтобы оставаться адекватным *актуальной* реальности. Это становится возможным при условии его реализации во множест-

ве вариантов, каждый из которых не является единственным и безальтернативным, сохраняет статус одной из возможных интерпретаций, подвергается сомнению и с неизбежностью отменяется в свой час. Единая парадигма, о которой спорят и мечтают методологи с момента становления психологической науки, стала бы концом психологии (Мироненко, 2021). Как рост мутаций обеспечивает выживаемость вида в ситуации изменений среды, рост методологического разнообразия обеспечивает запас жизнеспособности психологии как науки, предмет которой изменяется с возрастающей скоростью.

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2008.
- Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.
- Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2008.
- Конец Л. В.* Классические эксперименты в психологии. Киев, 2010.
- Мироненко И. А.* О методологическом разнообразии психологического знания // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 28–45.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л.* Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87–98.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л.* Культурная психология Яана Вальсинера. Часть 1. В дискурсе глобальной науки // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 6. С. 5–13.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л.* Культурная психология Яана Вальсинера. Часть 2. Школа динамического семиозиса // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 2. С. 41–50.
- Abric J.-C.* Pratiques sociales et représentations. Paris: PUF, 1994.
- Bartlett F. C.* Some experiments on the reproduction of folk-stories stable // Folklore. 1920. V. 31 (1). P. 30–47. URL: <http://www.jstor.org/stable/1255009>.
- Bartlett F. C.* Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge University Press, 1932.
- Boring E. G.* Intelligence as the tests test it // The New Republic. 1923. V. 35. P. 35–37.

- Costa P. T., McCrae R. R.* NEO PI-R professional manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources Inc., 1992.
- La Piere R.* Attitude versus action // M. Fishbein, N. John (Eds). Attitude Theory and Measurement. N. Y., 1967.
- Lash S.* Afterword: In praise of the a posteriori: Sociology and the empirical // European Journal of Social Theory. 2009. V. 12. P. 175–187. doi: 10.1177/1368431008099646
- Rosenbaum P. J., Valsiner J.* The un-making of a method: From rating scales to the study of psychological processes // Theory & Psychology. 2011. 21 (1). P. 47–65. doi: 10.1177/0959354309352913
- Valsiner J.* Cultural psychology today – personal introduction to the Ritsumeikan Symposium // Ritsumeikan Bulletin. 2004. № 3. P. 108–118.
- Valsiner J.* Integrating psychology within the globalizing world: A requiem to the post-modernist experiment with Wissenschaft // Integr. Psych. Behav. 2009. № 43. P. 1–21.
- Valsiner J.* From Methodology to Methods in Human Psychology. Springer Briefs in Psychology. Springer VS, 2017.
- Valsiner J.* General human psychology: Foundations for a Science. Springer VS, 2021a.
- Valsiner J.* My Confession // Culture as Process. A Tribute to Jaan Valsiner / B. Wagoner, C. Demuth, B. A. Christensen (Eds). Springer Nature Switzerland AG, 2021b. P. 457–563.
- Valsiner J., Bibace R., LaPushin T.* What happens when a researcher asks a question? // Science and medicine in dialogue: Thinking through particulars and universals. Praeger series in health psychology. Westport, Connecticut–London: Praeger, 2005a. P. 275–288.
- Valsiner J., Diriwächter R., Sauck C.* Diversity in unity: Standard questions and nonstandard interpretations // R. Bibace, J. D. Laird, K. L. Noller, J. Valsiner (Eds). Science and medicine in dialogue: Thinking through particulars and universals. Westport, CT: Praeger, 2005b. P. 289–307.
- Valsiner J., Tsuchimoto T., Ozawa I., Chen X., Horie K.* The Inter-modal Pre-Construction Method (IMPreC): Exploring Hyper-Generalization // Human Arenas – An interdisciplinary Journal of Psychology, Culture and Meaning. 2021. doi: 10.1007/s42087-021-00237-8
- Wagoner B., Valsiner J.* Rating tasks in psychology: From static ontology to dialogical synthesis of meaning // A. Gülerce, I. Hofmeister, G. Saunders, J. Kaye (Eds). Contemporary theorizing in psychology: Global perspectives. Toronto, Canada: Captus, 2005. P. 197–213.
- Werner H., Kaplan B.* Symbol formation: An organismic developmental approach to language and the expression of thought. N. Y.: Wiley, 1963.